

ЛЮБОВНИЦА ПОСЛЕДНЕГО ИМПЕРАТОРА

Матильда Феликсовна Кшесинская скончалась в 1971 году, ей было 99 лет. Она пережила свою страну, свой балет, мужа, любовников, друзей и врагов. Исчезла империя, растаяло богатство. Вместе с ней ушла эпоха: люди, собравшиеся у ее гроба, провожали в последний путь блестящий и легкомысленный санкт-петербургский свет, украшением которого она когда-то была.

За 13 лет до смерти Матильда Феликсовна увидела сон. Звонили колокола, слышалось церковное пение, и перед ней вдруг предстал огромный, величественный и любезный Александр III. Он улыбнулся и, протянув руку для поцелуя, сказал: «Мадемуазель, вы будете красой и гордостью нашего балета...» Матильда Феликсовна проснулась в слезах: это произошло больше семидесяти лет назад, на выпускном экзамене в театральном училище, — император выделил ее среди всех, а во время торжественного ужина усадил рядом с наследником престола, цесаревичем Николаем Александровичем. Этим утром 86-летняя Кшесинская и решила написать свои знаменитые мемуары, однако тайны ее очарования не смогли раскрыть даже они.

Есть женщины, к которым неприменимо слово «грех»: мужчины прощают им все. Они ухитряются сохранить достоинство, репутацию и флер непорочности в самых невероятных ситуациях, улыбаясь переступают через общественное мнение, — и Маля Кшесинская была из их числа. Подруга наследника российского престола и любовница его дяди, бессменная хозяйка Императорского балета, менявшая директоров театров как перчатки, Маля добилась всего, чего хотела: она стала законной женой одного из великих князей и превратилась в светлейшую княгиню Романову-Красинскую. В Париже пятидесятих годов это уже мало что значило, но Матильда Феликсовна отчаянно цеплялась за свой титул: на то, чтобы породниться с домом Романовых, она потратила жизнь.

А сначала было имение отца, большой светлый бревенчатый дом и лес, где она собирала грибы, фейервер-

Маля в роли Эсмеральды

ки по праздникам и легкий флирт с молодыми гостями. Девочка росла шустрой, глазастой и не особенно хорошенькой: маленького роста, с острым носиком и беличьим подбородком — старые фотографии не в состоянии передать ее живого обаяния.

По преданию, прадед Маля еще в мо-

печки. Отец Маля, Феликс Янович, заслуженный танцовщик Императорского балета и лучший в Петербурге исполнитель мазурки, не дотянул и до восьмидесяти пяти. Маля пошла в деда — она тоже оказалась долгожительницей, и ей, как и деду, тоже было не занимать жизненной силы, воли и хватки. Вскоре после выпу-

Великий князь Сергей Михайлович, многолетний любовник Маля

Матильда Феликсовна Кшесинская была подругой императора и любовницей трех великих князей

лодости потерял состояние, графский титул и благородную фамилию Красинский: бежав во Францию от убийц, нанятых злодеем-дядей, мечтавшим завладеть титулом и богатством, утратив бумаги, удостоверявшие его имя, бывший граф пошел в актеры — и стал впоследствии одной из звезд польской оперы. Он дожил до ста шести лет и скончался, угорев из-за неправильно протопленной

печки. Отец Маля, Феликс Янович, заслуженный танцовщик Императорского балета и лучший в Петербурге исполнитель мазурки, не дотянул и до восьмидесяти пяти. Маля пошла в деда — она тоже оказалась долгожительницей, и ей, как и деду, тоже было не занимать жизненной силы, воли и хватки. Вскоре после выпу-

ского бала в дневнике юной балерины императорской сцены появилась запись: «А все-таки он будет моим!»

Эти слова, имевшие прямое отношение к наследнику российского престола, оказались пророческими...

Перед нами 18-летняя девушка и 20-летний молодой человек. Она жива, бойка, кокетлива, он прекрасно воспитан, деликатен и мил: огромные голубые гла-

Жемчуга Кшесинской славились на весь Петербург

за, очаровательная улыбка и уму непо-стижимая смесь мягкотелости и упрямства. Цесаревич необычайно обаятелен, но заставить его сделать то, чего он не хочет, невозможно. Маля выступает в Красносельском театре — рядом разбиты летние лагера, и зал заполняют офицеры гвардейских полков. После спектакля она кокетничает с толпящимися перед ее гримерной гвардейцами, и в один прекрасный день среди них оказывается цесаревич: он проходит службу в лейб-гусарском полку, на нем ловко сидят красный доломан и расшитый золотом

ментик. Маля стреляет глазами, шутит со всеми, но адресовано это только ему.

Пройдут десятилетия, его дневники издадут, и Матильда Феликсовна станет вчитываться в них с лупой в руках: «Сегодня был у малютки Кшесинской... Малютка Кшесинская очень мила... Малютка Кшесинская положительно меня занимает... Попрошались — стоял у театра терзаемый воспоминаниями».

Она состарилась, жизнь подошла к концу, но ей по-прежнему хотелось верить, что будущий император был в нее влюблен.

С цесаревичем она была всего год, зато помогал он ей всю жизнь — со временем Николай превратился в прекрасное, идеальное воспоминание. Маля выбежала на дорогу, по которой должна была проехать императорская карета, приходила в умиление и восторг, заметив его в театральной ложе. Однако все это было впереди; пока же он строил ей глазки за кулисами Красносельского театра, и она во что бы то ни стало хотела сделать его своим любовником.

Что цесаревич думал и чувствовал, осталось неизвестным: он никогда не откровенничал с друзьями и многочисленными родственниками и не доверялся даже своему дневнику. Николай начал бывать у Кшесинской дома, потом купил ей особнячок, перезнакомил со своими братьями и дядьями — и к Мале зачастила развеселая компания великих князей. Скоро Маля стала душой романовского кружка — друзья говорили, что в ее жилах течет шампанское. Самым унылым из ее гостей был наследник (его бывшие сослуживцы рассказывали, что во время полковых праздников Ники умудрялся, всю ночь просидев во главе стола, не произнести ни слова). Впрочем, Малю это нисколько не огорчало, она только не могла взять в толк, зачем он постоянно рассказывает ей о своей любви к принцессе Алисе Гессенской?

Их связь была обречена с самого начала: цесаревич никогда бы не оскорбил жену связью на стороне. На прощание они встретились за городом. Маля долго готовилась к разговору, но так и не сумела сказать ничего важного. Она лишь попросила разрешения по-прежнему быть с ним на «ты», называть «Ники» и при случае обращаться за помощью. Этим драгоценным правом Матильда Феликсовна пользовалась редко, к тому же вначале ей было не до особых привилегий: потеряв своего первого любовника, Маля впала в тяжелейшую депрессию.

...Цесаревич венчался со своей Али-

сой, и по московским улицам ехали кавалергарды и конные гвардейцы в золотых и серебряных латах, красные гусары, голубые драгуны и гренадеры в высоких меховых шапках, шли одетые в золоченые ливреи скороходы, катились придворные кареты. Когда на голову молодой надели венец, Кремль вспыхнул тысячами электрических лампочек. Маля не видела ничего: ей казалось, что счастье ушло навсегда и жить больше не стоит. А все между тем

только начиналось: рядом с ней уже находился человек, который будет опекать ее двадцать лет. Расставшись с Кшесинской, Николай просил своего кузена, великого князя Сергея Михайловича, присмотреть за Малей (недоброжелатели говорили, что он попросту передал ее брату), и тот немедленно согласился: знаток и большой ценитель балета, он давно бьи влюблен в Кшесинскую. О том, что ему суждено стать ее оруженосцем и тенью, что из-

Семейство Романовых не отказывало Матильде Феликсовне ни в чем: ее бриллианты стоили два миллиона

Николай Александрович Романов еще не коронован: друзья зовут его Ники...

за нее он так и не обзаведется семьей и будет рад отдать ей все (в том числе и свое имя), а она предпочтет ему другого, бедный Сергей Михайлович не подозревал.

Маля тем временем входила во вкус светской жизни и быстро делала карьеру в балете: бывшая подруга императора, а ныне любовница его брата, она конечно же стала солисткой и выбирала только те роли, которые ей нравились. «Дело о фижмах», когда из-за спора о неприглянувшемся Мале costume подал в отставку директор императорских театров, всемогущий князь Волконский, еще больше укрепило ее авторитет. Рецензии, в которых шла речь о ее отточенной технике, артистизме и редком сценическом обаянии, Маля заботливо вырезала и наклеивала в специальный альбом — он станет ее утешением во время эмиграции.

Бенефис полагался тем, кто прослужил в театре не меньше двадцати лет, у Мали же он состоялся на десятом году службы — сцена была завалена охапками цветов, публика несла ее до кареты на руках. Министерство двора подарил ей чудесного платинового орла с бриллиантами на золотой цепочке — Маля просила передать Ники, что обычный бриллиантовый перстень ее очень расстроит.

На гастроли в Москву Кшесинская ездила в отдельном вагоне, ее драгоценности стоили около двух миллионов рублей. Отработав около пятнадцати лет, Маля покинула сцену. Пышно отметила свой уход прощальным бенефисом, а затем вернулась — но не в штат и не заключая контракта... Она танцевала только то, что хотела и когда хотела. К тому времени ее уже называли Матильдой Феликсовной.

...Вместе со столетием заканчивалась

Мая Кшесинская
в роли Наяды

прежняя жизнь — до революции было еще довольно далеко, но запах тления уже носился в воздухе: в Петербурге существовал клуб самоубийц, групповые браки стали обыденностью. Матильда Феликсовна, женщина безупречной репутации и незыблемого общественного положения, сумела извлечь из этого немалую выгоду.

Ей было позволено все: питать платоническую любовь к императору Николаю, жить с его кузеном, великим князем Сергеем Михайловичем, и, по слухам (скорее всего они были верны), состоять в любовной связи с другим великим князем — Владимиром Александровичем, годившимся ей в отцы.

Его сын — юный Андрей Владимирович, хорошенький как куколка и болезненно застенчивый, стал второй (после Николая) великой любовью Матильды Феликсовны.

Чувствовал себя счастливым и шестидесятилетний Владимир Александрович — ребенок был похож на великого князя как две капли воды. Очень переживала лишь супруга Владимира Александровича: ее Андрей, чистый мальчик, совсем потерял голову из-за этой распутницы. Но свое горе Мария Павловна несла так, как и подобает даме королевской крови: оба мужчины (и муж, и сын) не услышали от нее ни единого упрека.

Тем временем Маля с Андреем отправились за границу: великий князь подарил ей виллу на Кап'д'Ай (несколько лет назад она получила от Сергея Михайловича дом в Париже). Главный инспектор артиллерии заботился о ее карьере, нянчил Володю и все больше отходил на второй план: Маля по уши влюбилась в своего молодого друга; она перенесла на Андрея те чувства, которые некогда испытывала к его

Великий князь Андрей Владимирович, будущий муж Кшесинской

Со своим будущим мужем Маля Кшесинская познакомилась после того, как он опрокинул на нее бокал вина

Все началось во время одного из приемов в ее новом особняке, построенном на деньги сидевшего во главе стола Сергея Михайловича, — таких домов в Петербурге было немного. Робеющий Андрей ненароком опрокинул на роскошное платье хозяйки бокал красного вина. Маля почувствовала, что ее голова вновь идет кругом...

Они гуляли по парку, вечерами подолгу сидели на крыльце ее дачи, и жизнь была так прекрасна, что имело смысл умереть здесь и сейчас — будущее могло лишь испортить разворачивающуюся идиллию. Все ее мужчины были при деле: Сергей Михайлович оплачивал Малины счета и отстаивал ее интересы перед балетным начальством, Владимир Александрович обеспечивал ей прочное положение в обществе, Андрей же сообщал, когда на прогулку из своей летней резиденции выезжал император — Маля тотчас приказывала закладывать лошадей, подъезжала к дороге, и обожаемый Ники почтительно отдавал ей честь...

Вскоре она забеременела; роды прошли успешно, и четверо Малиных мужчин проявили трогательную заботу о маленьком Володе: Ники даровал ему титул потомственного дворянина, Сергей Михайлович предложил усыновить маль-

отцу. Владимир Александрович умер в 1909 году. Маля и Андрей горевали вместе (Марию Павловну передергивало, когда она видела негодяйку в идеально сшитом, красившем ее траурном платье). К 1914 году Кшесинская была невенчанной женой Андрея: он появлялся с ней в свете, она сопровождала его в заграничные санатории (великий князь страдал слабыми легкими). Но и о Сергее Михайловиче Матильда Феликсовна не забывала — за несколько лет до войны князь приударил было за одной из великих княгинь, и тогда Маля вежливо, но настойчиво попросила его прекратить безобразие — во-первых, он ее компрометирует, во-вторых, ей неприятно на это смотреть. Сергей Михайлович так никогда и не женился: воспитывал маленького Володю и не жаловался на судьбу. Несколько лет назад Маля отлучила его от опочивальни, но он все еще продолжал на что-то надеяться.

Первая мировая война не причинила вреда ее мужчинам: Сергей Михайлович имел слишком большие чины, чтобы попасть на передовую, а Андрей из-за слабого здоровья служил в штабе Западного фронта. Но после Февральской революции она потеряла все: в ее особняке расположился штаб большевиков — и Матильда Феликсовна ушла из дома в чем

Его отец, Владимир Александрович, «покровительствовал» Мале не один год

В парижской студии: Матильда Феликсовна с ученицей

была. Часть драгоценностей, которую удалось спасти, она положила в банк, зашив квитанцию в подол любимого платья. Это не помогло — после 1917 года большевики национализировали все банковские вклады. Несколько пудов столового серебра, драгоценные вещицы от Фаберже, даренные поклонниками бриллиантовые безделушки — все разошлось по рукам обосновавшихся в покинутом доме матросов. Исчезли даже ее платья — позже в них шеголяла Александра Коллонтай.

Но Матильда Феликсовна никогда не сдавалась без боя. Она подала на большевиков в суд, и тот предписал незванным гостям освободить недвижимость владе-

лицы в кратчайшие сроки. Однако большевики из особняка так и не съехали... Приближалась Октябрьская революция, и подруга бывшего императора, а ныне гражданина Романова бежала на юг, в далекий от большевистских безобразий Кисловодск, куда чуть раньше перебрался Андрей Владимирович с семьей.

Перед отъездом Сергей Михайлович сделал ей предложение, но она его отклонила. Князь мог уехать с ней, но предпочел остаться — надо было уладить дело с ее вкладом и присмотреть за особняком.

...Поезд тронулся, Маля высунулась в окно купе и помахала рукой — Сергей, непохожий на себя в длинном мешковатом штатском плаще, поспешно снял шляпу. Таким она его и запомнила — больше они не увидятся никогда.

Мария Павловна с сыном к тому времени обосновались в Кисловодске. Власть большевиков здесь почти не ощущалась — до тех пор пока из Москвы не приехал отряд красногвардейцев. Сразу же начались реквизиции и обыски, но великих князей не трогали — они были не страшны новой власти и не нужны ее противникам.

Андрей мило болтал с комиссарами, а они целовали Мале ручки. Большевики оказались вполне доброжелательными людьми: когда городской совет Пятигорска арестовал Андрея и его братьев, один из комиссаров отбил великих князей с помощью горцев и отправил из города с подложными документами. (В них говорилось, что великие князья путешествуют по заданию местного комитета партии.) Они вернулись, когда в город вошли казаки Шкуро: Андрей подъехал к дому верхом, в черкеске, в окружении охраны из кабардинской знати. В горах у него отросла борода, и Маля чуть не расплакалась: Андрей как две капли воды походил на покойного императора.

То, что произошло дальше, походило на затянувшийся кошмар: семейство бежало от большевиков в Анапу, потом вернулось в Кисловодск, затем снова пускалось в бег — и всюду их догоняли отправленные из Алапаевска письма Сергея Михайловича, убитого несколько месяцев назад. В первом он поздравлял Малиного сына Володю с днем рождения — письмо пришло через три недели после того, как они его отпраздновали, в тот самый день, когда стало известно о смерти великого князя. Большевики сбросили в угольную шахту всех находившихся в Алапаевске членов дома Романовых — они умирали несколько дней. Когда в город вошли белые и тела подняли на поверхность, в руке

Светлейший князь Владимир Романов-Красинский, сын Мали и Андрея

Сергея Михайловича был зажат маленьким золотой медальон с портретом Матильды Феликсовны и надписью «Мая».

А потом началась эмиграция: маленький грязный пароход, стамбульская вошебойка и долгое путешествие во Францию, на виллу «Ямал». Мая и Андрей приехали туда без гроша и тут же заложили свою недвижимость — надо было приодеться и расплатиться с садовником.

После того как Марии Павловны не стало, они обвенчались. Местоблюститель российского престола, великий князь Кирилл, даровал Мале титул светлейшей княгини Романовой-Красинской — так она породнилась с болгарским, югославским и греческим царями, королями румынским, датским и шведским — Романовы были в родстве со всеми европейскими монархами, и Матильде Феликсовне случалось быть пригла-

шенной в королевском обедом. Они с Андреем к этому времени перебрались в крошечную двухкомнатную квартирку в небогатом парижском районе Пасси.

Дом и виллу забрала рулетка: Матильда Феликсовна играла по-крупному и всегда ставила на 17 — свое счастливое число. Но оно не принесло ей удачи: деньги, полученные за дома и землю, а также средства, которые удалось выручить за бриллианты Марии Павловны, ушли к крупье из казино Монте-Карло. Но Кшесинская, разумеется, не сдалась.

Балетная студия Матильды Феликсовны славилась по всей Европе — ее ученицами были лучшие балерины русской эмиграции. После занятий великий князь Андрей Владимирович, облаченный в поношенный, протертый на локтях пиджак, обходил репетиционный зал и поливал стоявшие по углам цветы — это била его

Матильда Кшесинская любила рулетку и всегда ставила на 17 — свое счастливое число. Но оно не принесло ей удачи

Балетная студия Матильды Феликсовны славилась по всей Европе — ее ученицами были лучшие балерины русской эмиграции

домашняя обязанность, больше ему не доверяли ничего. А Матильда Феликсовна работала как вол и не оставила балетный станок даже после того, как парижские врачи нашли у нее воспаление суставов ног. Она продолжала заниматься, превозмогая жуткую боль, и болезнь отступила.

Кшесинская намного пережила своего мужа, друзей и врагов — если бы судьба отпустила ей еще год, Матильда Феликсовна отметила бы столетний юбилей.

Незадолго до смерти она снова увидела странный сон: театральное училище, толпу воспитанниц в белых платьях, бущущий за окнами ливень.

Тут запели «Христос воскрес из мертвых», двери распахнулись, и в зал вошли Александр III и ее Ники. Мая упала на колени, схватила их за руки — и проснулась в слезах. Жизнь прошла, она получила все, что хотела, — и все потеряла, поняв в конце концов, что все это не имело значения.

Ничего, кроме записей, которые много лет назад сделал в своем дневнике странный замкнутый слабовольный юноша:

«Снова видел малютку М»

«Был в театре — малютка Кшесинская положительно мне нравится».

«Прощание с М. — стоял у театра терзаемый воспоминаниями...»

Алексей Чупаррон